

Хоть Чэнь Динсинь с товарищами и обжигали кирпич уже много раз, для Лаонювани это всё ещё было в диковинку. Днём односельчане, устав от полевых работ, то и дело забредали на холм: постоять, поглазеть да порасспрашивать, как идут дела на этот раз.

Кто-то заводил разговор от нечего делать, но находились и те, кто не скрывал злорадства.

В своё время немало парней из Лаонювани ходили в ученики к тому старику по фамилии Нью вместе с Динсинем. По разным причинам мастер прогнал их всех, и, вернувшись в деревню, они вдоволь наслушались пощёлок от родителей. Те сокрушались, что сыновья их нерадивы, иначе почему же парень из семьи Чэнь до сих пор при деле?

Все эти годы кузену кости перемывали неустанно. Но когда перед Новым годом он внезапно вернулся и раз за разом терпел неудачи, тон в деревне разом переменялся.

Тех, кого старик прогнал раньше, теперь называли смекалистыми: мол, вовремя поняли, что дело пахнет керосином, и ноги унесли. Чэнь Динсинь же из «работающего и честного малого» превратился в посмешище — недотёпу, который «умеет только горб гнуть, а в голове пусто». Его винули не только в том, что сам дал себя обмануть, но и в том, что втянул родителей в непосильные траты.

Люди, годами сносившие ругань, теперь праздновали победу. Каждый раз, когда над Южным холмом поднимался дым, кто-нибудь обязательно заглядывал на огонёк, чтобы бросить свысока:

— Ну что, в этот-то раз небось получится?..

Раз, другой — юноша пропускал это мимо ушей, но вскоре и он понял, к чему клонят насмешники. Он не отвечал, только пуще прежнего бил глиняный сырец, обливаясь потом.

Находились и доброхоты, советовавшие бросить эту затею, взяться за плуг и не изводить родителей — Чэнь Шаньхэ и его жену — напрасным трудом.

Раньше и госпожа Лу пару раз заикалась об этом: обжиг — дело каторжное, у неё сердце кровью обливало, когда она смотрела на сына. Но настаивать она не смела, боялась — если лишит его этого дела, он совсем занеможет от тоски.

Чэнь Динсинь упорно молчал, и это лишь раззадоривало болтунов. Один из них, качая головой, изрёк:

— Растёшь, парень, а ума не прибавляется. Совсем ты на этом кирпиче помешался, не иначе как нечисть к тебе привязалась. Если так пойдёт и дальше, пускай родители знахаря кличут,

чтобы бесов выгнал!

Динсинь, как раз счищавший лишнюю глину с формы, замер. Он поднял голову и полоснул советчика яростным взглядом.

Тот невольно отшатнулся и пробормотал:

— Ишь ты, уже и слова доброго не понимает.

— Я думаю, это тебе пора знахаря кликать, чтоб бесов выгонял! — Ли Цинфэн смерил наглеца презрительным взглядом. — Иначе с чего бы тебе в чужие дела лезть? У баб на базаре языки короче твоего. Не иначе в тебя сотни три кумушек вселились, раз ты такой говорливый.

Собеседник, человек в деревне не самый последний по возрасту, аж задохнулся от возмущения. Он ткнул в Четвёртого брата дрожащим пальцем:

— Ты... да как ты смеешь, щенок невоспитанный...

Ли Цинхун подошёл ближе и вкрадчиво добавил:

— Дядя, я вот тоже чую — веет от вас холодком, да и запашок какой-то нехороший пошёл. Брат мой из лучших побуждений вас предостерегает, чтобы вы чего недоброго не подцепили. А вы вместо благодарности браниться вздумали.

Тот резко обернулся к госпоже Чэнь:

— Ты только погляди, кого ты вырастила...

— Брат Шаньян, что-то вы с лица спали, шли бы вы лучше до дому, прилегли, — прервала его матушка. — Здесь три дня жаровни палят, ваше здоровье такого не вынесет. Не ровён час, свалитесь тут — нам потом за вами ухаживать?

Оказавшись под обстрелом всей семьи, Чэнь Шаньян в ярости махнул рукавом и поспешил прочь.

Госпожа Чэнь хмыкнула:

— В нашей деревне всё та же нечисть, только задираться стали пуще. Видать, закрома полны, раз заняться больше нечем.

У Ли Цинвэня от долгого дежурства у печи глаза резало, точно песком засыпало. Он подозревал

кузенов и объявил: пора. Пора гасить огонь.

Рабочие тут же сгрудились у чела, вглядываясь в бушующее пламя и раскалённые докрасна бока кирпичей, стараясь навеки запечатлеть этот миг в памяти. Жар затушили.

Парни принялись таскать вёдра с водой, выливая её в специальные желоба на своде печи. Вода медленно просачивалась внутрь — начиналось увлажнение, процесс долгий, занимающий от трёх до семи дней.

Опытные мастера умели залить воду разом, но Сынок рисковать не решился. Он велел вылить для начала только три ведра, чтобы посмотреть, как быстро влага уходит вглубь.

В печи, где огонь бушевал трое суток, стоял невыносимый зной. Стоило воде коснуться раскалённого кирпича, как наружу с шипением вырвались клубы пара. Из крохотных щелей в кладке повалил густой белый дым. Ли Цинвэнь строго-настрого запретил приближаться к нему — такой жар мог сжечь плоть до самых костей.

По праву, во время увлажнения толпа не нужна, достаточно одного смотрящего, но семья Ли не уходила, расположившись прямо на склоне холма. В доме сидеть или здесь — разговоры одни и те же, а тут, если что случится, подмога всегда под рукой.

Сынок и Ли Цинхун продолжали помогать с формовкой новых заготовок. Чэнь Динсиню было уже неловко:

— Шли бы вы отдохнули, дело-то не к спеху.

Матушка усмехнулась:

— Если бы ты видел, сколько мисок риса они за раз уплетают, ты бы их ещё на неделю в каторгу определил.

На лице Динсиня впервые за долгое время мелькнула тень улыбки:

— Хороший аппетит — признак силы. В их годы кости крепнуть должны.

За разговорами они не заметили, как со стороны дома донёсся залихватский лай. Госпожа Лу, отряхнув подол от земли, поспешила проверить, кто там пожаловал.

Едва дойдя до гумна, она увидела Третью тётушку Чэнь Шаньхэ, ведущую за собой ораву детей. Госпожа Лу невольно нахмурилась, но вслух поприветствовала гостью радушно:

— Каким же ветром тебя занесло, сестра?

— Слышала, младшенькая вернулась. Столько лет не виделись, соскучилась я, вот и прибежала поглядеть, — Чэнь Шаньхэ, облачённая в новое платье из синей тонкой ткани, приблизилась, ведя детей за руки. — Знала, что вы на горе, даже в дом заходить не стала.

— Шла бы ты лучше в комнаты, неровен час — новое платье испачкаешь, — посоветовала госпожа Лу.

Но Третья тётушка и слушать не хотела:

— Мне сестру повидать надо. С тех пор как родителей не стало, она к нам глаз не кажет. Раз уж приехала, я обязана её проведать.

Госпожа Чэнь наблюдала за ними со склона. Когда родственница подошла ближе, матушка поднялась и сухо поздоровалась:

— Здравствуй, сестра.

Ли Цинвэнь с братьями подошли поклониться Третьей тёте. Чэнь Шаньхэ едва удостоила их взглядом, но на Сынка уставилась надолго:

— Надо же, как вы этого мальчика выпестовали.

Затем она перевела взгляд на Ли Маосяня:

— Зять, ты у нас гость редкий. С самой свадьбы, кажись, в Лаонювани не бывал.

Сынок слушал тётку, и на душе у него становилось муторно. Едва закончив с приветствиями, он поспешил укрыться у зева печи. Чэнь Шаньхэ глядела на сыновей Ли как на перепачканных грязью зверят, и в её глазах читалось явное пренебрежение. «Никакого воспитания, слова доброго не вытянешь — всё в мать пошли, упрямые да косноязычные», — думала она.

Дети, пришедшие с гостьей, стоило им оказаться на холме, с любопытством рассыпались во все стороны. Госпожа Лу заволновалась:

— Пойдёмте всё же в дом. Здесь повсюду инструменты, камни, не ровён час — покалечатся малые.

— Не такие они и неженки! — отрезала Чэнь Шаньхэ. Обернувшись к сестре, она добавила: — А я-то думала, младшая, что после смерти родителей ты и дорогу в родной дом забудешь.

Матушка спокойно встретила её взгляд:

— Тебе хорошо, сестра, нужды не знала. А у меня семеро по лавкам, всё хозяйство на мне — когда по гостям раскатывать?

Третья тётушка поджала губы:

— Некогда ей... Всё это отговорки. Захотела бы — хоть на коленях приползла. Видать, до сих пор на нас за старое обиду держишь.

— За какое такое старое? — прищурилась госпожа Чэнь. — Не припомню я ничего такого, что могло бы меня на столько лет от дома отвратить.

Застигнутая врасплах этим вопросом, сестра только глаза закатила:

— Прикидывайся теперь, будто не понимаешь, о чём я.

Ли Цинвэнь сидел в сторонке, когда к нему подошёл маленький толстяк в шёлковой курточке. Склонив голову набок, малец спросил, кто он такой.

— Я зову Чэнь Динсиня братом. А ты чей будешь? — вежливо отозвался Сынок.

Лаонювань была деревней большой, и клан Чэнь в ней был многочисленным. Цинвэнь слышал, что у него здесь несколько десятков дядьёв, и даже родных-то он толком не знал, а уж этот карапуз и вовсе был ему в новинку.

— Моего отца зовут Чэнь Шаньань, он большой чиновник в уездном ямэне! — маленький толстяк задрал голову, так что щёки его затряслись от гордости. — Многие люди перед ним на колени падают. Вот я вырасту, и передо мной тоже все на коленях ползать будут.

Сынок внимательно оглядел мальчика, пытаясь найти хоть каплю сходства с Восьмым дядей, но тщетно.

— Стало быть, ты сын Восьмого дяди. Значит, ты мой кузен. Тебе следует звать меня «старшим братом».

— Это ещё почему? — Мальчишка оглядел юношу с головы до ног, и Ли Цинвэнь готов был поклясться, что увидел в глазах ребёнка неприкрытое презрение. «Почудилось, верно», — решил он.

— Личико у тебя смазливое, а одет в рваньё. Небось, семья совсем нищая, — скривился малец.

— У нас таких голодранцев в родне не водится. Матушка говорит, что бедные родственники — хуже вшей: только и знают, что подлизываться да выгоду клянчить, и вывести их никак нельзя.

Ли Цинвэнь онемел. Он никак не ожидал услышать столь гнусные речи от ребёнка, которому и восьми лет не исполнилось.

Те, кто стоял рядом, тоже всё слышали. На лицах застыло разное выражение. Чэнь Шаньхэ гневно прикрикнул на сестру:

— Забери этого щенка отсюда!

— Брат, ну что ты на дитя взъелся? Что с него взять — ляпнул не подумав, — легкомысленно отмахнулась тётушка. — Да и прав он в чём-то. Как Восьмой в ямэне устроился, так из каждой деревни к нему ходюки потянулись, замучили человека просьбами.

— Он за каждую просьбу серебро берёт, так чего ж ему жаловаться? — холодно бросила госпожа Чэнь. — Мужчине подобает быть прямым и честным, а те, кто за спинами интриги плетут — трусы и ничтожества!

Чэнь Шаньхэ не ведала о том, что произошло между Чэнь Шаньанем и семьёй Ли, поэтому слова сестры её задела.

— Негоже так говорить. За всякое дело плата положена, иначе как людям в глаза смотреть?

Ли Цинфэн отшвырнул кусок глины и подошёл к пухлому кузену. Возвышаясь над ним, он процедил:

— Ты когда-нибудь видел, как мухи над навозной кучей вьются? Видать, в твоём доме дерьма в избытке, раз их столько слетелось.

Теперь настала очередь мальчишки лишиться дара речи. Он ткнул в Четвёртого брата пальчиком:

— Ты... ты как смеешь меня оскорблять...

— Будь ты хоть на пару лет старше, я бы тебя не только оскорбил, но и бока бы тебе намял, — Цинфэн зловеще прищурился. — Я малых не обижаю, но ты помалкивай, а то, видит небо, я с тебя штаны спущу и в таком виде в деревню отправлю, пускай все любят на твой голый зад!

Мальчишка, привыкший к тому, что из-за отца ему всё сходит с рук, впервые натолкнулся на такую грубость.

— Ты не смеешь! Я отцу скажу, он вас в темницу бросит! Вам палками спины переломают, головы отрубят! Всей вашей семье головы с плеч!

Видя, что Четвёртый брат и впрямь тянется к его поясу, Третья тётушка взвизгнула и бросилась наперерез:

— Да что же это! Такой взрослый лоб, а с ребёнком связался! Совсем стыд потеряли!

— Цинфэн! — подал голос Ли Маосянь. — У него свои родители есть, не тебе его уму-разуму учить. Возвращайся к работе!

Лицо Чэнь Шаньхэ потемнело от гнева. Он рыкнул на сестру:

— Забирай своих детей и проваливай! Иначе я сам ему всыплю, и плевать мне, что ты там дома скажешь!

Тётушка, оскорблённая тем, что брат не поддержал её, схватила сына за руку и потащила прочь.

Когда они ушли, на холме наконец воцарилась тишина. Ли Цинвэнь с острой тоской вспомнил Пограничный город. Там никогда не объявлялись незваные родственники, чтобы устроить свару на пустом месте. Вот где был истинный покой!

Затем он невольно подумал о Цзян Цуне и остальных. Вернулись ли они с дозора? Не ранен ли кто? В Пограничном городе земля скоро оттаёт... пора будет сеять.

Дядя Шаньхэ никак не мог успокоиться:

— Как можно так дитя разбаловать? Будь это мой внук — я бы его трижды на дню порол, чтобы не смел позорить род такими речами.

— Восьмой-то наш, видать, в бухгалтерах ходит важнее самого главы уезда. Стоит помянуть, что он раньше в слугах бегал — так он в лицо плюнуть готов, — вставила госпожа Лу. — Удача ему улыбнулась: и в ямэне пригрелся, и сахаром, говорят, приторговывает. Денег, небось, куры не клюют.

Семья Ли при этих словах дружно опустила глаза.

Незаметно пролетело время, и настал день открытия печи.

К тому сроку в Лаонювани почти закончили сев. Многим было нечего делать, и толпы любопытных потянулись к Южному холму.

Чэнь Динсинь и его товарищи стояли у входа в печь, непроизвольно потирая руки. Они столько вложили в этот обжиг, что на душе у них скребли кошки: хоть бы вышло, хоть бы не прахом!

Больше всех нервничал Ли Цинвэнь. Он ведь специально приехал ради этого дела, а посещение родни было лишь предлогом. Если кирпич не удастся, дядя и кузены останутся ни с чем, и разочарование их будет безмерным.

Второй дядя Шаньхэ велел всем отойти подальше. Стоило вскрыть заслонку, как наружу вырвалась волна нестерпимого жара. Казалось, кожа на лицах вот-вот заскворчит, и люди в испуге отпрянули.

Жару нужно было время, чтобы рассеяться. Односельчане, ничего в обжиге не смыслящие, тянули шеи, пытались заглянуть внутрь, и поторапливали мастеров: мол, чего медлите, доставайте скорее!

Но Динсинь не шевелился. В такой зной к кирпичу и прикоснуться страшно, да и пар из печи мог опалить лёгкие.

Лишь когда пекло поутихло, Чэнь Динсинь с товарищами решились войти. Они вынесли несколько первых кирпичей, взятых из разных мест. Камни были ещё обжигающе горячими. Юноша положил их на деревянный настил. Увидев их цвет — сизый, почти чёрный, — Сынок почувствовал, как сердце ухнуло вниз.

И верно: стоило легонько ударить по кирпичу, как тот отозвался глухим, мёртвым звуком.

Лица рабочих потемнели. Стоявшие рядом односельчане переглянулись: ясно, опять неудача, всё сгорело. Зрелище закончилось, и часть людей начала расходиться.

Динсинь, не обращая внимания на ожоги, ударил два кирпича друг о друга. Без всякого усилия камни раскололись пополам. Кто-то в толпе охнул — такой кирпич был слабее сырой глины.

Ли Маосянь сохранял спокойствие. Он сам вошёл в печь и принялся выносить кирпич за кирпичом, стопку за стопкой. Он пробовал их на звук, и каждый раз кирпич разлетался надвое. Лю Дагуан и остальные тоже таскали брак наружу. Вскоре на земле выросла груда бесполезных обломков.

Сынок, нахмурившись, опустился на корточки, изучая сколы. Он лихорадочно соображал: где они просчитались? Где совершили ошибку?

Несколько человек из толпы решили помочь и принялись вытаскивать кирпичи из печи, то и

дело шипя от боли в обожжённых пальцах. Чэнь Шаньхэ и госпожа Лу принялись утешать Цинвэня: мол, не бери в голову, малец, мы уже столько раз прогорали, одной печью больше, одной меньше — невелика беда.

— А вот внизу цвет-то вроде другой... — пропыхтел один из помощников, обдувая ладони и опуская очередной кирпич на землю.

Ли Цинвэнь взглянул на него: цвет был ровным, благородным серым. Он схватил два камня и ударил их друг о друга. По холму разнёсся чистый, звонкий звук. Кирпичи остались целы. Это было совсем не то, что они видели мгновение назад!

Динсинь вскинул голову, глаза его заблестели. Он поднял ещё два кирпича и с силой столкнул их. Звук был ещё звонче, а камень остался твёрдым как кремль.

— Получилось! Получилось! — закричали Лю Дагуан и остальные.

Любопытные тут же обступили их. Кто-то поднял кирпич, взвесил на руке:

— Тяжёлый какой, чисто железо!

Охваченные восторгом, парни бросились обратно в печь. К их великой радости, все нижние ряды оказались превосходного качества: лишь у немногих были отбиты углы, остальные же были безупречны.

— Небеса! Неужто и впрямь вышло!

Слёзы радости покатались по их перемазанным сажей лицам, прорезая белые дорожки. Лю Дагуан и его товарищи рыдали в голос — после полугода тяжких трудов они наконец получили настоящий синий кирпич!

Глядя на аккуратные стопки, Сынок быстро прикинул: около трети ушло в брак, но две трети были идеальны. Для первой настоящей попытки результат был более чем достойным.

Едва он успел перевести дух, как Чэнь Динсинь подлетел к нему и крепко сжал в объятиях, отрывая от земли:

— Сынок! Братишка! Нет слов, как я тебе благодарен!

У Ли Цинвэня аж дух перехватило. Он забормотал, пытаясь отстраниться:

— Я ведь только за жаром следил, остальное — всё вы сами...

— Если ты ещё хоть слово скажешь про «сами», я не на шутку обижусь! — проревел Динсинь. В этом крике выплеснулась вся горечь и обида, копившаяся в нём годами.

Цинвэню оставалось только смириться и позволить кузену тискать его, пока на выручку не пришли Четвёртый и Третий братья.

Люди, не успевшие уйти, начали понимать: выходит, кирпич-то удался только благодаря помощи родни из семьи Ли? Да быть не может... Говорили же, что дочка Чэнь выскочила за бедняка. Если у них такие мастера в роду, с чего бы им жить так, что родня нос воротит?

Едва вырвавшись из медвежьих объятий брата, Сынок попал в руки тётушки Лу, которая залила его слезами благодарности, так что ему пришлось приложить все силы, чтобы успокоить её.

Несколько тысяч кирпичей — Чэнь Динсинь и его товарищи, утерев слёзы, принялись любовно осматривать каждый камень. Они были так возбуждены, что, казалось, готовы пуститься в пляс.

Лю Дагуан подбежал к Ли Цинвэню:

— Оставайся с нами! Будем вместе кирпич обжигать, деньги лопатой грести! Ты только за жаром приглядывай, а мы всё остальное сделаем!

Сынок покачал головой:

— У меня другие дела есть. Вы теперь сами руку набили, ещё пару раз обожжёте — и будете огонь на глаз определять.

Ему предстояло заработать двести тысяч лан серебра, и никаким кирпичом за всю жизнь таких денег не накопить!

— Да я не о том! Ты нам так помог, что теперь мы с тобой одной крови! — горячо возразил Лю Дагуан.

Цинвэнь кивнул — он всё понимал, но остаться не мог. Госпожа Лу, не слушая их споров, погнала всех к дому:

— Живо умываться! Я уже стол накрыла, вина припасла — будем праздновать!

Последние несколько дней они почти не уходили с горы и вымотались в край. С радостными криками они ввалились в дом, отмылись, переоделись в чистое и с наслаждением растянулись на кане. Глаза у всех сияли ярче звёзд. Пусть не вся печь удалась, но то, что вышло — верный

знак: дальше будет только лучше.

Дурные вести летят быстро, но и хорошие не отстают. Едва любопытные вернулись в деревню, как весть о том, что Чэнь Динсинь обжёт настоящий синий кирпич, разлетелась по Лаонювани.

Вскоре в двери потянулись люди — расспросить да разузнать. Чэнь Шаньхэ сиял от гордости, принимая гостей, и на все вопросы отвечал, что сын с товарищами прилегли отдохнуть после великих трудов.

Третья тётушка жила в соседней деревне, неподалёку. Вернувшись с горы, она отправила детей домой, но, зная, что семья Ли ещё не уехала, не выдержала и через пару дней снова отправилась к Чэнь Шаньхаю.

Семья мужа сестры была зажиточной, поэтому госпожа Ван всегда привечала её, рассыпаясь в похвалах её новым нарядам. Чэнь Шаньхэ в ответ хвалила невестку за тонкий вкус — мол, сколько она на горе ни сидела, ни матушка Чэнь, ни госпожа Лу и слова не сказали про её платье, до того глаз замылился в нищете.

Тётушка не преминула пожаловаться на случай на холме, расписывая в красках, как Ли Цинфэн обидел дитя, как он сквернословил и вёл себя как последний дикарь. «Приехали в гости, а ведут себя как хамы подзаборные, — возмущалась она. — Представляю, что у них в деревне творится!»

госпожа Ван поддакивала:

— Сами в нужде живут, вот и завидуют чужому достатку. Таким людям век удачи не видать.

В этот момент вошла её невестка с корзиной чистого белья.

— Слыхали? Динсинь-то кирпич выжег, да какой славный! Ой, тётушка, а вы когда приехали?..

В комнате воцарилась тишина. Наконец госпожа Ван принялась расспрашивать о подробностях. Невестка пересказала всё, что слышала у реки. Лицо госпожи Ван то бледнело, то краснело:

— Небось, просто повезло дуракам...

Чэнь Шаньхай молчал, и жена подтолкнула его локтем:

— Сходи, разузнай, что там да как.

— С чего бы это? Он мне слова не сказал, а я побегу выпрашивать, будто мне дело до них есть? Ещё подумает, что я к ним подлизываюсь, — угрюмо буркнул Шаньхай.

Третья тётушка тоже не могла усидеть на месте:

— Я сама пойду к брату, разужнаю всё. Сноха, обеда на меня не готова.

госпожа Ван охотно согласилась, но стоило золовке выйти за порог, как она проворчала себе под нос: «Припёрлась с пустыми руками, а ещё и пообедать рассчитывала. Ишь чего захотела!»

Когда Чэнь Шаньхэ снова переступила порог дома Второго дяди, госпоже Лу ничего не оставалось, как впустить её.

Матушка Чэнь как раз возилась у печи. Увидев гостью, она сказала:

— Сестра, ты как раз вовремя. У меня на две печи рук не хватает, иди, подсоби у той, что поменьше.

Тётушка покосилась на своё нарядное платье и с натянутой улыбкой ответила:

— Мне в таком виде несподручно. У тебя сыновей вон сколько, кликни кого, неужто такие лбы с печью не справятся?

Не глядя больше на сестру, она обернулась к госпоже Лу, пытаясь завязать разговор:

— Слыхала я, Динсинь кирпич выжег. Дело это прибыльное, кирпич-то нынче дорог. Вон, у свекров моих дом из кирпича — полжизни копили, чтобы три комнаты справить. Сноха, теперь-то вы заживёте! Будешь целыми днями на кане сидеть да деньги считать!

Госпожа Лу, промывая рис, отозвалась:

— Это всё благодаря Сынку! Если бы не он — ничего бы не вышло.

— Благодаря кому? — тётушка опешила.

Матушка подняла голову и улыбнулась:

— Моему младшему сыну. Ты же видела его на горе, сестра? Самый пригожий который.

Чэнь Шаньхэ замерла, и слова сами сорвались с её губ:

— Он что, не дурачок разве?

Лицо госпожи Чэнь мгновенно покрылось инеем.

— Если бы это сказала чужая баба, я бы ей в глаза плюнула. Сама-то подумай, сестра, людские ли речи ты молвишь?

Гостье стало нестерпимо неловко. Она поняла, что сболтнула лишнего, и ей пришлось проглотить обиду.

Ли Цинвэнь, лёжа на кане в комнате, слышал каждое слово и только тихо вздыхал, в который раз тоскуя по тишине Пограничного города.

Ли Цинхун тоже не спал. Он коснулся плеча брата и негромко прошептал:

— Где же они видели таких смышлёных «дурачков»? Просто глаза у них песком засыпаны.

Когда обед был готов, госпожа Лу созвала мужчин. Расселись за двумя столами. Сынок с братьями, конечно, оказались за одним столом с дядей и тётей, и за этот же стол втиснулась Чэнь Шаньхэ.

Будто и не было недавних размолвок, гостья то и дело тянулась через стол, подкладывая Цинвэню лучшие куски и уговаривая кушать побольше, не стесняться.

Ли Цинвэнь с трудом проглатывал угощение, видя, как матушка и госпожа Лу обмениваются красноречивыми взглядами.

Едва отдохнув несколько часов, Чэнь Динсинь с товарищами снова взялись за дело — нужно было сушить сырец для второй печи. На этот раз зрителей на холме стало ещё больше. Если раньше шли поглазеть на неудачников, то теперь люди внимательно следили за каждым движением: грех было не поучиться ремеслу, раз мастерство само в руки плывёт.

Сынок, босой, месил глину в яме. Прошло полдня, а Четвёртого брата нигде не было видно, да и Лю Дагуан куда-то пропал. Юноша спросил матушку, и та ответила, что они пошли на холмы силки на зайцев ставить.

Ли Цинвэнь удивился: Лю Дагуан готов был в печи поселиться, с чего бы ему за зайцами бегать?

К обеду они так и не вернулись. После долгих расспросов один из парней нехотя проговорил, что они, кажись, отправились искать того самого мастера по фамилии Нью.

Ли Цинвэнь замер. Дома он думал, что Четвёртый брат позабыл о мести, а тот, оказывается, только выжидал момента.

Ли Маосянь нахмурился — он боялся, что молодые натворят дел, да и путь был неблизкий. Он тут же решил догнать их, и Второй дядя отправился вместе с ним.

С формовкой кирпича у Сынка дело не спорилось, поэтому он продолжал месить глину. Ноги в вязкой жиже уже порядком натрудились, и тётушки наотрез запретили ему продолжать. Они решили взять в деревне быка — пара медяков того стоили.

Лишь через пять-шесть дней Ли Цинфэн и Лю Дагуан вернулись под конвоем отцов.

Госпожа Чэнь, все эти дни не находившая себе места, бросилась к ним:

— Живы? Ничего не случилось?

— Всё в порядке, матушка, — беспечно отозвался Четвёртый брат. — Я только хотел взглянуть на того старика. Едва увидел его, как отец с дядей подоспели. Вот мы и вернулись.

Матушка вопросительно глянула на мужа. Ли Маосянь промолчал, и она немного успокоилась. Раз отец не в гневе, значит, беды не случилось.

Сынок тоже решил, что всё обошлось. Но вечером, когда братья улеглись рядом, Ли Цинхун шёпотом спросил, как же они проучили старого жулика.

— Рук не распускали, только припугнули малость. Кто ж знал, что у него душа в пятки уйдёт? Перепугался до смерти и ногу сломал, — в голосе Ли Цинфэна звучало искреннее разочарование.

— Как же это вышло?

— Мы под окном решили привидений изобразить, чтоб он маленько понервничал. А у него, видать, совесть нечиста: бросился окно закрывать, споткнулся о стол и рухнул. Хрусь — и кость пополам.

— Так ему и надо, — добавил Цинфэн. — Мы подслушали, как он своему старшему ученику хвалился, что они вместе людей дурачили. Столько народу на них бесплатно горбатилось, а они и не думали правду открывать. Смеялся, старый хрыч, мол, ученики-то тупые как свиньи.

— И вы только вдвоём там были? — внезапно спросил Ли Цинхун.

Четвёртый брат усмехнулся:

— Отец и Второй дядя тоже подсобили. Как услышали те речи — вскипели не на шутку. Вломили и старику, и ученику его знатно. Те аж «дедушками» их звать начали да пощады просить — тьфу, смотреть тошно.

— Второй дядя потребовал, чтобы тот вернул всё, что люди ему за годы принесли. Старик запричитал, мол, проел всё. Дядя пригрозил, что выбьет из него долги вместе с зубами, тот и струхнул. Пообещал всё вернуть — и серебром, и товаром, и за труды выплатить...

Ли Цинвэнь только покачал головой.

Когда со старым мошенником было покончено, у всех точно камень с души свалился. Полученные от него деньги казались грязными, но выбрасывать их никто не собирался — серебро в хозяйстве лишним не бывает.

Вернувшись, взялись за вторую печь. Чэнь Динсинь накупил у деревенских дров — так присоветовали Ли Маосянь и Чэнь Шаньхэ.

Богатство, нажитое в одиночку, колет глаза. Нужно было, чтобы и деревня получила свою долю, иначе завистники житья не дадут. Лаонювань — не Деревня Тополиная: народу много, фамилий разных полно, и раздоры здесь случаются на каждом шагу. Где-то поругаются — и ладно, а в Лаонювани чуть что — бегут в ямэн доносить: кто землю прирезал, кто налоги утаил. А уж подпалить стог соседа под покровом ночи — дело обычное, раз десять на дню случается.

Тот, кто ест в одиночку, всегда под прицелом. Но если соседи тоже копейку заработают, они сами станут оберегать общее дело от лихих людей. Пусть не так ревностно, как своё, но это лучше, чем воевать со всем миром.

Динсинь вырос в этих краях и знал, каковы нравы односельчан. Хоть и жалко было тратить серебро, пришлось смириться. Лю Дагуан с товарищами тоже согласились — они были такими же упрямыми, как и Динсинь, потому и держались вместе. В Лаонювани была лучшая глина для кирпича, и им нужно было ладить с соседями, ведь обжиг обещал стать делом всей жизни.

Услышав, что семья Чэнь покупает дрова, полдеревни кинулось в лес. Все знали — на одну печь уходит уйма топлива. Если не лениться, на одних дровах за год можно заработать не меньше, чем на подработках в городе.

Чэнь Шаньхэ слов на ветер не бросал: каждое утро, день и вечер на стол подавали белый рис. Зарезали десяток кур — кабы поросята не были совсем крошечными, и те бы в котёл угодили. В конце концов госпожа Чэнь не выдержала и пригрозила, что уедет немедля — только тогда мор среди пернатых прекратился.

Во время второго обжига Ли Цинвэнь почти не вмешивался, давая кузенам волю. Лишь когда те совсем терялись, он негромко давал советы.

Они обсудили прошлую неудачу и решили, что тогда огонь в середине был слишком силён. Теперь следили, чтобы жар нарастал постепенно. Кирпича на этот раз заложили больше, так что обжиг длился на день дольше, да и закалка водой затянулась.

В день открытия печи на горе было не протолкнуться. Народу собралось столько, что кое-где уже вспыхивали перебранки и летели в ход кулаки. Сынок снова убедился: люди в деревне дяди совсем другого склада, чем его односельчане.

Когда пришло время вскрывать заслонку, у Чэнь Динсиня дрожали руки — он волновался пуще, чем в первый раз.

Лишь к сумеркам жар немного спал, но толпа и не думала расходиться. Многие принесли с собой еду и ужинали прямо на склоне, не сводя глаз с печи.

Лю Дагуан, не дожидаясь, пока кирпич вынесут наружу, залез внутрь и начал проверку. Из глубины печи донёсся чистый, звонкий звук, а следом — радостные крики:

— Вышло! Получилось!

Успех превзошёл все ожидания Цинвэня. Из всей печи едва набралось несколько десятков бракованных кирпичей — и те только из-за того, что сырец плохо просох. Остальные были безупречны. Динсинь и его товарищи в один голос твердили, что этот кирпич вышел краше того, что они видели у старого мастера: и цвет ровнее, и звук такой, будто не камень это, а чистый хрусталь.

Ли Цинвэню тоже нравился этот звон, но называть его «небесной музыкой» он бы поостерёгся.

Едва вторая партия была готова, как в дом пожаловал покупатель. Он забрал всё подчистую — несколько тысяч штук, выложив за них добрых восемнадцать лан серебра.

Когда Чэнь Динсинь взял в руки серебро, ему захотелось рассмеяться во всё горло, но он сдержался. Лишь глаза его покраснели, и на него было больно смотреть. Столько лет каторги, столько обид и попреков — и вот наконец пришла заслуженная награда.

Серебро выложили на стол. Все расселись вокруг, по очереди касаясь холодных слитков, а затем Динсинь решительно подвинул деньги Ли Цинвэню.

Зная, сколько пота они пролили ради этого дела, Сынок замахал руками, отказываясь, но Чэнь Шаньхэ настоял:

— Малец, не спорь. Не приди ты — они бы ещё сто лет впустую печи палили и в итоге остались бы ни с чем. Ты их научил самому важному, так что плата эта — твоя по праву!

Динсинь и Лю Дагуан горячо поддержали дядю: старик Ню только спины им ломал, а секреты жара хранил за семью замками. Это знание стоило куда больше, чем жалкие восемнадцать лан, но пока это было всё, что они могли предложить.

Будь Динсинь один, Ли Маосянь ни за что не позволил бы сыну взять деньги — Второй дядя много помогал их семье, и долг благодарности велик. Но в деле были ещё четверо, и они тоже получили свою выгоду. Маосянь решил, что Сынок должен принять плату.

В итоге Ли Цинвэнь взял серебро.

Хоть парням и довелось лишь разок коснуться слитков, на душе у них было светло. Теперь они владели ремеслом, и деньги в их карманах ещё заведутся. Лю Дагуан и остальные сияли от счастья.

Матушка засиделась в гостях, и как только дела племянника пошли в гору, она засобиралась домой. Но госпожа Лу и невестка Динсиня вцепились в неё мёртвой хваткой: не отпустят, пока пир не закатят!

Всё время, что семья Ли провела здесь, они только и делали, что трудились. Теперь же, когда кирпич удался, грех было не выпить по чарке за такой успех. Матушке пришлось уступить и остаться.

Днём Чэнь Шаньхэ устроил семейный обед для своих и семьи Ли. Вечером же созвал всю родню клана Чэнь, чтобы племянники могли познакомиться со всеми старшими — родня-то близкая.

Пришёл и отец Чэнь Шаньяня, а за ним, как тень, увязался тот самый пухлый малец.

Он теперь Ли Цинфэна за версту обходил, стараясь в тесной комнате держаться как можно дальше. Зато к Сынку он подошёл смело, хоть и поглядывал опасливо на Четвёртого брата.

— Слышал, вы завтра уезжаете?

Ли Цинвэнь кивнул. Мальчишка спросил, когда он приедет снова.

— Я отправляюсь в дальний путь, и не знаю, когда выберется свободная минута, — ответил Сынок, удивляясь про себя: неужто он так притягивает детей?

Маленький толстяк хмыкнул и, достав из кармана леденец «Кошачья лапка», спросил:

— А такой ты пробовал?

При виде этой сладости у Ли Цинвэня в душе всё перевернулось. Он промолчал, и мальчишка спросил снова:

— Неужто и такого не едал?

Видать, жизнь его ничему не учила. Скривившись, он процедил:

— Если даже такого не пробовал — точно нищеврод.

Цинвэнь, не меняясь в лице, выхватил конфету из его пухлой руки и отправил в рот.

— Теперь попробовал. Вкус сносный.

Мальчишка оторопел. Нижняя губа его задрожала, он уже готов был зайтись в вопле. Сынок же вынул конфету изо рта и сунул ему обратно в руку:

— На, забирай.

Липкая, мокрая сладость в ладони — ощущение было не из приятных. Малец пришёл в себя лишь через мгновение. Он хотел было швырнуть конфету на пол, но она прилипла к пальцам. Он замахнулся на Цинвэня, но тут его руку перехватил Ли Цинфэн.

— Только пискни — и я этой гадостью все твои штаны измажу! — спокойно проговорил Четвёртый брат. — До смерти не отмоешь.

Мальчишка, до смерти напуганный Четвёртым братом, съёжился и только молча ронял слёзы, не смея издать ни звука.

Ли Чжэнлянь, наблюдавший за ними, сочувственно произнёс:

— Повезло тебе, что ты ещё мал. Тех, кто постарше, мой четвёртый дядя в такие тиски берёт — любо-дорого смотреть. Ну и смельчак же ты!

Ли Цинфэн, чья слава гремела на всю округу, только хмыкнул:

— Подрастёшь — заходи, потолкуем.

Мальчишка, утирая слёзы, часто-часто закивал головой.

Ли Цинвэнь только вздохнул: против таких забияк помогало только средство Четвёртого брата. Больше малец не капризничал, и даже когда дед спросил его, чего он плачет, тот промолчал. Будет ли он жаловаться дома — Сынка не заботило. В конце концов, это же просто детские игры, кто же их всерьёз принимает?

<http://bllate.org/book/15828/1441650>